

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(НИУ «БелГУ»)

**ИНСТИТУТ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ И
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ**

**КАФЕДРА АНГЛИЙСКОЙ ФИЛОЛОГИИ И
МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ**

**ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИЧЕСКИХ АНТОНИМОВ
В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ**

Выпускная квалификационная работа
обучающегося по направлению подготовки 45.05.01
Перевод и переводоведение
очно-заочной формы обучения, группы 04001482
Дейнега Валерии Дмитриевны

Научный руководитель:
кандидат филологических
наук, доцент
Пугач В.С

Рецензент:
кандидат филологических
наук, доцент
Беседина Т.В.

Оглавление

Введение.....	3
Глава I. Сущность явления антонимии.....	6
1.1. Проблема определения антонимии.....	6
1.2. Методы установления антонимичности слов.....	11
1.3. Функции антонимов в речи.....	15
Выводы по главе I.....	17
Глава II. Классификация лексических антонимов.....	19
2.1. Классификация лексических антонимов по характеру противоположности.....	19
2.2. Проблема выделения конверсивов как одного из типов антонимов.....	24
2.3. Классификация антонимов В.Н. Комиссарова.....	27
Выводы по главе II.....	45
Заключение.....	48
Список использованной литературы.....	51
Список использованных словарей.....	54
Список источников иллюстративного материала.....	55

Введение

Данная выпускная квалификационная работа посвящена изучению явления антонимии в английском языке. В процессе исследования антонимии мы выяснили, что это явление охватывает разные уровни языка. Большинство лингвистов выделяют лексическую и фразеологическую антонимию, некоторые ученые исследуют антонимию текста. В данной работе **объектом** нашего исследования являются особенности лексической антонимии.

В целом антонимия, несмотря на ее богатство, разнообразие, высокую частотность употребления в речи, на наш взгляд, пока не занимает в лингвистике подобающего ей места в ряду с другими тематическими группами слов. Это обуславливает **актуальность** нашей темы, т.к. во многих учебных пособиях по лексикологии и общему языкознанию антонимы занимают весьма скромное место, в сравнении, например, с синонимами или омонимами. Наряду с недостаточной изученностью материала **актуальность** работы обусловлена большой распространенностью явления антонимии в английском языке. Кроме того, нас заинтересовал ряд спорных вопросов, по которым нет единства мнений.

В выборе темы нашего исследования мы руководствовались также практическими соображениями. **Практическую значимость** работы мы видим в возможности использования результатов нашего исследования в процессе дальнейшей разработки вопросов антонимии, в научно-исследовательской работе студентов-филологов и лингвистов старших курсов, в учебном процессе.

Цель данной работы — исследование лексических антонимов в английском языке. Реализация этой цели предопределяется решением **конкретных задач**:

1. Анализ лингвистической литературы, по данной проблеме и обобщение основных теоретических положений.

2. Установление механизмов порождения антонимии.
3. Выявление основных признаков антонимов, лежащих в основе различных классификаций.
4. Анализ основных проблем классификации лексических антонимов.
5. Анализ фактического языкового материала, в частности, художественных произведений английских писателей, с целью выделения практического материала для подтверждения основных теоретических положений.

Основным **методом** нашего исследования является гипотетико-дедуктивный метод, состоящий из следующих этапов:

1. Установив критерии подлежащего исследованию объекта, проанализировав лингвистическую литературу по данной проблеме, мы собираем фактический материал.

2. Собранный материал обобщается индуктивным путем, т.е. выводится гипотеза. На этом этапе мы вывели следующую гипотезу — противопоставленность значений является единственным универсальным признаком антонимов, лежащим в основе существующих классификаций.

3. Далее гипотеза проверяется путем сопоставления с уже известными концепциями и выявлением противоречащего им материала.

Кроме того, в нашем исследовании мы использовали более частные методики. Так, изучая сочетательную способность антонимов, мы использовали метод валентностного анализа, т.к. совпадение сфер лексической сочетаемости антонимичной пары является одним из основных критериев антонимии. Так же мы использовали метод оппозиций и метод контекстуального анализа.

Теоретические положения данной дипломной работы основываются на идеях, содержащихся в трудах И.В. Арнольд, Дж. Лайонза, Ю.Д. Апресяна, В.Н. Комиссарова, Е.Н. Миллера и др.

Содержание данной работы изложено на 55 страницах печатного текста и включает Введение, 1-ю главу, 2-ю главу и Заключение. К работе

прилагается библиографический список, включающий 30 наименований, список использованных словарей и список контекстов иллюстративного материала.

В 1-й главе рассматриваются проблемы понятия антонимов, определения статуса противоположного значения и противоположности значений, функции антонимов в речи. Во 2-й главе рассматриваются проблемы классификации лексических антонимов, представлены лингвистические классификации, определены их основные сходства и различия. В Заключении представлены основные выводы и результаты исследования.

Глава I

Сущность явления антонимии

1.1. Проблема определения антонимии

Антонимы чаще всего определяются как слова, противоположные по значению и различные по звучанию. Это общее и достаточно распространенное определение, принимаемое большинством исследователей, допускает множество разных интерпретаций.

Известный факт – определение призвано для того, чтобы отражать суть содержания исследуемого объекта, т.е. «определение какого-либо предмета достигает своей цели лишь тогда, когда в нем есть указание на его сущность» (Лукьянов, 2009: 15). Однако, есть такое мнение, что «любое определение упрощает, схематизирует, обедняет, настоящее содержание объекта» (Миллер, 2006: 19). Этот факт обусловлен неоднократными попытками лингвистов определения антонимов. «Каждая из этих попыток в какой-то степени и есть стремление осуществить неосуществимое, т.к. адекватным определением антонимов (и то, не в полной мере) является лишь изучение антонимов в целом» (Там же).

Если учесть ограниченность информации какого-либо определения, то нужно отразить в нем только основные и самые обобщенные свойства, отношения и функции, которые характеризуют исследуемый объект.

Каждый вид антонимов, можно разделить на 3 различные группы: Группа 1 — определения, которые относят к антонимам слова с противоположными значениями. Определения такого рода имеют частные вариации, но самое главное здесь в том, что есть в наличии противоположные значения, которые не расходятся, например: «антонимы — слова, противоположные по сигнификативному значению» (Степанов, 2006: 71), «антонимы являются словами различного звучания, выражающие противоположные, но соотносительные друг с другом понятия» (Шанский, 1987: 192); «Фразеологическими антонимами называются

фразеологические выражения, противоположные по смыслу; однако, обозначают явления одного логического порядка» (Дементьева, 2010: 595). Данный тип определений содержит указание на противоположные значения; добавочные характеристики о разном звучании слов, о сигнификативном значении и др. значительно не меняют содержание определений.

Ко 2-й группе определений относят те, в которых мы стараемся выделить границы антонимии перечислением основных признаков антонимов и способов их идентификации, например: «антонимы — это пары слов, лингвистически сопряженные и принадлежащие одной части речи, которые являются членами уникальной, бинарной, единичной, (привативной, градуальной или эквиполентной), пропорциональной, многомерной оппозиции. Лингвистическая сопряженность — это регулярная воспроизводимость слов-антонимов и взаимная противопоставленность их значений» (Соколова, 1999: 62).

В 3-ю группу можно объединить попытки; описательного определения антонимов перечислением и объяснением их свойств, функций, способов употребления, образования и т.д.

Из анализа существующих определений следует, что противоположность значений — это основное и общее свойство антонимов. Об этом четко говорит единодушие, которое проявляют авторы определений в этом отношении.

Однако, и здесь есть свои нюансы и различные точки зрения на понятие «противоположность».

Много внимания этому вопросу уделяет Е.Н. Миллер, рассматривая противоположность в психологическом, логическом и философском аспекте. В своей работе Е.Н. Миллер разграничивает понятия «противоположное значение» и «противоположность значений» и показывает их сущность и различия. По его мнению, значения слов, противоположные друг другу, первично обнаруженные в речи по ассоциациям интуитивно, в основе которых лежит опыт человека. Таким опытом возникло постоянное

восприятие слов антонимов, совместно употребляемых в речи: “*Office affairs are easy to begin and difficult to finish...*” (J. Braine, *Room at the top*, 1957: 71); “*This is not the end for her, but the beginning” (B. Shaw, *Saint Joan* 2009: 22). Интенсивно возникающие семантические ассоциации зависят от частотности восприятия определенных слов с противоположными значениями, от парного их появления в речи, хотя, преимущественно, от целенаправленности мыслительной деятельности в процессе порождения речи. Поэтому, если нужно обозначить крайние точки временного отрезка, то определение одного из его исходов при помощи слова *beginning* вызывает в памяти человека слово-антипод *end*. Из чего следует, противоположное значение — это значение, которое ассоциируется с его антиподом. Противоположное значение представляет часть некой сущности, когда противоположность значений — это нечто целостное, она представляет это «нечто» в раздробленном на противоположные части виде, части взаимообусловленные и, при определенных условиях коммуникации, взаимодействующие.*

Рассмотрев множество определений понятия противоположность, подходит в большей степени «определение противоположности как развитого до предела различия одной сущности» (Аверьянов, 2016: 61).

Например, пространство — некая реальная сущность, обладающая определенными свойствами: конец, середина, начало. Конец отличается от середины, середина отличается от начала, однако из 3-х оппозиций лишь одна образует противоположность значений — конец/начало, ибо компоненты лишь этой оппозиции представляют собой предел различия одной сущности — пространства. Соответственно, Е.Н. Миллер выявляет различия между противоположным значением и противоположностью значений:

1) противоположное значение владеет свойством создавать в сознании представление о другом, противоположном, а противоположность значений есть отношение данных свойств;

2) противоположное значение находит способность вступать в антонимическую связь с другими подобными семантическими единицами, противоположность значений – это результат связи такого рода: она показывает характер семантических отношений между антонимами;

3) противоположное значение – это категория относительная, так как само по себе, без своего антипода, оно не существует и существовать не может; противоположность значений, которая возникает на базе относительных категорий — противоположных значений, наоборот, есть категория абсолютная, так как она существует сама по себе, независимо от характера других противоположностей значений.

При рассмотрении этого вопроса, точка зрения В.Н. Комиссарова наиболее интересна, отвергавшего существование противоположных явлений. Он пишет: «противоположность значений слов антонимов никак не относится к особенностям отображаемых ими явлений. Нет ни единого основания заявлять, что слова-антонимы называются какими-либо особыми предметами или явлениями, противоположными по своей природе. Точно нельзя говорить, например, что цвета белый и черный по своей природе больше противоположны друг другу, нежели крайние точки спектрального ряда желтый и зеленый. Либо что небо от земли объективно дальше, чем небо от воды» (Комиссаров, 2009: 37). Однако, другие исследователи не разделяют эту точку зрения, аргументируя это тем, что подбор примеров в теории В.Н. Комиссарова нарочито ограничен, следствием чего является логическая ошибка, именуемая «поспешным обобщением». Е.Н. Миллер считает, что «делать на основании лишь 4-х антонимов выводы, касающиеся антонимии как таковой, явно неправомерно» (Пестова, 2014: 72)

Указанная сложность в выделении антонимов объясняется тем, что под «антонимией фактически понимается противопоставленность языковых обозначений внеязыковых понятий, признаваемых противоположными на логических основаниях или исходя из общественного опыта»

(Беляевская, 1987: 126). Так, например, белое противопоставляется черному, но не желтому, ночь противопоставляется дню, но не вечеру или утру.

Исходя из этого, анализируя существующие определения выявляются следующие понятия, связанные с термином антонимия: противоположность, противопоставленность, обратность, противоречивость, фигурирующие в большей части работ по вопросам антонимии. Ю.Д. Апресян дает нам объяснение этих терминов, проводя детальный анализ их значений.

Согласно его теории, слово *противоположный* может быть объяснено так: А противоположен В = А находится с другой стороны оси симметрии данного предмета, чем В, и на том же расстоянии от нее, что и В. В переносном смысле говорят о противоположных свойствах; в таком метафорическом словоупотреблении почти полностью сохраняется прежнее толкование, но вместо элемента «предмет» в нем появляется элемент «шкала»: «...находится с другой стороны оси симметрии шкалы данного свойства». На дальнейшем шаге семантического разложения в результате подстановки «другой» - «такой же» интересующая нас первая часть этого толкования приобретает следующий вид: «А находится не с той же самой стороны оси симметрии». При существовании слова X со значением, противоположным значению слова «противоположный», то толкование X выглядело бы так: AXB=A находится с той же стороны оси симметрии, что и В. Иными словами, различие между X и «противоположный» свелось бы к различию «PR» – «P не R». (Махмутова, 2009: 45)

Слово «обратный» в волнующем нас значении часто связывается со словом «прямой» и встречается в словосочетаниях «прямые (обратные) высказывания», «прямой (обратный) порядок» и т.д. Ю.Д. Апресян рассматривает соответствующие этим словосочетаниям реалии и дает такой инвариант значения прилагательного «обратный» (с некоторыми упрощениями): X обратен к Y = начальные элементы X совпадают с конечными элементами Y, и конечные элементы X совпадают с начальными элементами Y; X и Y - последовательности. Именно поэтому, семантическое

различие между словами «прямой» и «обратный» сводимо к уже знакомому нам различию «PR» - «P не R», осложненное тем, что дважды повторяется в толкованиях этих прилагательных.

Получается, словом «противоречащий», в трактовке Ю.Д. Апресяна, называются утверждения, предикаты или свойства, толкования которых имеют вид «P — не P».

1.2. Методы установления антонимичности слов

Для того, чтобы определить, является ли данное слово антонимом, необходимо знать основные признаки антонимов и методы установления антонимичности слов. Большинство лингвистов обязательным признаком антонимичности слов считают наличие в антонимичной оппозиции, с одной стороны, противоположности значений, с другой — их тождества.

Так, в оппозиции *far* — *near* налицо противоположность значений соответственно *далеко* — *близко*. В то же время эта противоположность основывается на обозначении односущного явления — протяженности, расстояния в пространстве, и поэтому они не только противоположны, но тождественны по значению. Другую противоположность обозначают антонимы *clever* — *stupid*. Здесь противоположность значений базируется одновременно на тождестве: в обоих случаях характеризуются интеллектуальные способности человека.

Таким образом, «любая оппозиция антонимов базируется на противоположности и тождестве значений ее компонентов; с помощью взаимоположенных по значению единиц номинации получают обозначение тождественные (односущные) явления объективной реальности» (Миллер, 2006: 74).

Наряду с вышеуказанным основным признаком антонимов, лингвисты выделяют следующие критерии антонимичности: (Новикова, 2010: 54)

1. Регулярное употребление антонимов в типичных синтаксических конструкциях во взаимном противопоставлении, например:

“*Yet, Monseigneur had slowly found that vulgar embarrassment crept into his affairs, both private and public*” (Dickens. *Dombey and Son*, 1948: 190).

Эта конструкция имеет формулу «и А, и В».

2. Одинаковая сфера лексической сочетаемости.

3. Обозначение качественных признаков: *new — old, narrow — broad, pretty — ugly*.

4. Антонимы образуют лексические поля.

5. Антонимы составляют словообразовательные гнезда.

Ю.Д. Апресян выделяет несколько другие признаки антонимов, служащие основой различных классификаций:

1. Точность антонимического противопоставления двух значений (точные или приблизительные).

2. Степени совпадения или несовпадения сочетаемости (полные или частичные).

3. Число антонимических значений 2-х слов.

4. Морфологическая структура антонима (однокорневые или разнокорневые).

5. Типы языковых единиц, которыми представлена эта антонимическая пара (грамматическая — лексическая антонимия, словесные — фразеологические антонимы и т.п.).

6. Часть речи и ряд других.

Такие критерии апробированы в теории лексикографии и признаны релевантными. В это же время специфическим свойством антонимов может быть лишь **противоположное значение**, другие признаки присущи и другим группам слов. Так, в типических синтаксических конструкциях могут противопоставляться не только антонимы, но и синонимы, например: *not big, but enormous*; также слова, упорядоченные и неупорядоченные лингвистами в семантические группы, например: *not books, but pictures; to go not to the theatre, but to the cinema*. Антонимичная оппозиция — это только одна из разновидностей противопоставлений языковых явлений, и именно поэтому

она определенно не может быть надежным дифференциальным признаком антонимов.

Не достаточно надежный и такой критерий как **одинаковости сферы лексической сочетаемости**, потому что для многих антонимов такая сочетаемость нереальна, что объясняется спецификой их значений — взаимоисключающих и потому во многих случаях, которые не допускают одинаковой дистрибуции. Похожее явление мы находим и в русском языке, например: *ад крошечный — ран цветущий, болезнь закоренелая — здоровье богатырское* и т.п. Но, не смотря на это, и этот критерий успешно употребляется для идентификации противоположных значений слов, в связи с тем, что сфера совместной сочетаемости весьма обширна, что обусловлено спецификой значений антонимов — наличием у них единого семантического основания, ср.: *ад — рай (небесный), болезнь — здоровье (человека)*.

Большинство лингвистов говорят о том, что очень много антонимов, обозначающих качественные признаки, но критерий выделения антонимов по признаку качества также имеет ограниченную сферу применения, т.к. большинство антонимов, не имеющих такого признака, например, слова, обозначающие координативные понятия (*up — down, before — behind*), противоположно направленные действия (*to come — to leave, to reach — to depart*). Если говорить о полях и гнездах, то они способствуют не столько выявлению антонимичности, сколько подтверждению фактов существования соответствующих семантических связей между антонимами. В рамках определенного контекста слова могут противопоставляться, не занимая крайних, полярных позиций в пределах одной семантической шкалы. Такая расширенная интерпретация позволила исследовать разные аспекты антонимии, включая анализ не только языковых антонимов, но и контекстуальные противопоставления.

Исходя из этого, указанные критерии нельзя признать «объективными инструментами установления антонимичности слов, хотя они позволяют выявлять парадигматические и синтагматические отношения антонимов

между собой и с другими словами в лексико-семантической системе языка» (Миллер, 2006: 41). Каждый из этих критериев, так или иначе, способствует выявления антонимов по противоположным значениям, по свойству, присущему только антонимам, служит их единственным универсальным признаком. Однако и его использование может приводить к субъективным решениям. Возникает порочный круг: 1-й критерий — это база для прочих, но он может быть объективным, только основываясь на них, иначе говоря, «тезис выводится из аргументов, а аргументы, в свою очередь, выводятся из того же тезиса» (Кондаков, 1998: 461).

Выход из этого тупика Е.Н. Миллер видит в применении комплекса методов выявления антонимии. Он предлагает использование экспериментального метода (проверки выработанных положений на новом языковом материале и проведении тестов среди носителей языка), метод логического анализа (выстраивание цепи суждений и, таким образом, получение нового знания в процессе умозаключения), методы сопоставления антонимов разных языков, семного (компонентного) анализа (разделение лексического значения единицы номинации на составляющие его семантические элементы).

Применение комплекса методов обнаружения антонимии, «разумное совмещение различных способов описания является для современной семасиологии не благим пожеланием, а насущной необходимостью, поскольку каждый из них имеет свои недостатки» (Шпар, 2004: 212). Метод классификации деривационных значений, «и метод интроспекции, и метод оппозиции, и метод словарных дефиниций, и метод синтаксической сочетаемости (каждый в отдельности) помогают раскрыть какие-то новые грани в смысловой структуре слова» (Там же, 33) и ведут при изучении антонимов к объективным результатам.

1.3. Функции антонимов в речи

В начале нашего исследования мы ставили задачу изучить не только основные свойства антонимов, но и их основные функции. Знание функций и роли антонимов в языке имеет большое значение для обучения языку, а также при использовании антонимов для толкования значений слов и фразеологизмов.

Наиболее ярко свойства антонимов проявляются при их использовании в стилистических целях. Этим, очевидно, вызван повышенный интерес лингвистов к стилистическим функциям антонимов. Формируемый антонимами стилистический эффект контраста, который является очень действенным средством повышения выразительности речи, используется в художественной литературе и публицистике.

В стилистике антонимы используются для создания такого стилистического приема как антитеза. Антитеза — стилистическая фигура, усиливающая выразительность за счет столкновения в одном контексте прямо противоположных понятий, например:

*“Soul as full of Worth as void of Pride,
Which nothing seeks to show, or needs to hide,
Which nor to guilt nor fear its Caution owes,
And boasts a Warmth that from no passion flows”* (Арнольд, 2002: 384).

Анализируя этот отрывок, мы выявили несколько примеров антитезы. В первой строке обороты *full of Worth* и *void of Pride* являются антонимичными, т.к. *full* и *void* — односложные антонимы; *Worth* и *Pride*, обычно не антонимичные, оказываются в этом контексте ситуативными антонимами. *Pride* имеет здесь отрицательную оценочную коннотацию и соответствует русскому *самолюбие*, отсутствие самолюбия — скромность — ценится высоко и приравнивается к достоинству *Worth*. Во 2-й строке антитеза построена на противопоставлении *seeks to show* и *needs to hide*, где *show* и *hide* — односложные антонимы, а *seeks* и *needs* — ситуативные

синонимы. В 3-й и 4-й строке антитезу составляют ситуативные антонимы *Caution* и *Warmth*.

Антонимы также используются для образования оксиморона — стилистической фигуры, состоящей в соединении 2-х контрастных по значению слов, раскрывающей противоречивость описываемого, например: “*And faith unfaithful kept him falsely true” (Tennyson, *Lancelot and Elaine*, 1842: 22).*

В английской поэзии и прозе оксиморон использовался во все времена. Э. Спенсер в XVI веке писал: “*And painful pleasure turns to pleasing pain””. В наше время, крупнейший современный поэт У.Х. Оден в стихотворении «На смерть Йетса» пишет:*

“*With a farming of a verse
Make a vineyard of the curse,
Sing of human unsuccess
In a rapture of distress”* (Оден. На смерть Йетса, 1951: 2).

Широко используется оксиморон в характерологической функции. Так, английский поэт и критик Э. Спенсер, усматривая в образе героя романа Э. Хемингуэя «Фиеста» Джейка противоречивый характер, называет его “*selfconsciously unself-conscious, boastfully modest and he-man*”.

Несоблюдение лексической сочетаемости в случае оксиморона вызывается не отсутствием семантического согласования, а контрастностью: такие пары, как *faith — unfaithful, falsely — true, rapture — distress*, имеют общие семы, но одновременно содержат и семы противопоставленные. Например, оба слова — *rapture* и *distress* — выражают очень сильное переживание, но в первом случае восторг — эмоция, приятная в высшей степени, а второе слово выражает наивысшую степень страдания.

Таким образом, мы выяснили, что одной из функций антонимов является усиление выразительности речи. Однако антонимы со стилистической нагруженностью употребляются в речи сравнительно редко.

Значительно чаще употребительны антонимы в их номинативной функции — называть и выражать противоположности значений.

Выводы по главе I

1. Механизмом порождения антонимии является противоположность. В ходе нашего исследования мы выявили различные точки зрения об этом понятии. Мнения исследователей по этому вопросу разделились.

Множество ученых, высказывали отрицание к теории детерминированность противоположных значений слов экстралингвистическими факторами. Часто озвучивается мнение, что «целостность антонимов выводится из их собственных семантических свойств, а не из реальных свойств обозначаемых ими явлений или вещей, так как противоположных явлений и вещей не существует» (Апресян, 1995: 366). Мы поддерживаем эту точку зрения и считаем, что значения слов могут быть признаны противоположными на логических основаниях или исходя из общественного опыта.

2. Жесткие критерии определения антонимичности слова установить трудно. Основным критерием является обнаружение антонимов по противоположным значениям, по свойству, присущему только антонимам и служащему их единственным универсальным признаком.

Проблема в том, что не всякая противоположность может быть признана антонимичной, т.к. в языке любое слово может иметь противопоставленность, например, синонимы *not big, but great (gigantic)*. Следовательно, необходимы дополнительные критерии определения антонимичности слов. Одним из решающих факторов признания рассматриваемых единиц антонимичными являются систематичность и частотность их взаимного противопоставления в речи. Из множества выделяемых критериев обязательным также следует признать наличие в словах с противоположными значениями одновременно тождества в каком-то отношении. Самым эффективным способом выявления антонимии мы

считаем применение комплекса методов, описанных в этой части нашего исследования, и учет основных критериев антонимичности слов.

3. Проанализировав ряд существующих определений, мы считаем, что определение И.В. Арнольд наиболее полно раскрывает основные свойства и особенности антонимов. Ученый определяет антонимы как два или более слова, принадлежащих к одному языку, к одной части речи и к одному семантическому полю, одинаковые по стилю и почти одинаковые по сочетаемости, ассоциирующиеся друг с другом и часто употребляемые вместе таким образом, что их денотативные значения выражают контрадикторные или контрарные понятия.

4. При осмыслении роли и места антонимии в речи мы выделяем две их функции:

- номинативная,
- усиливающая выразительность речи. В своей второй функции антонимы используются для создания стилистического приема контраста.

Глава II

Классификация лексических антонимов

2.1. Классификация лексических антонимов по характеру противоположности

В ходе нашего исследования мы выяснили, что объект теории антонимии чрезвычайно обширен в количественном отношении и весьма неоднороден по характеру составляющих его компонентов.

Количественная необозримость и качественная дифференциация объекта требуют его упорядочения путем проведения различных классификаций.

Следует заметить, что антонимические единицы, а именно их классификации, постоянно разнообразятся, дополняются, видоизменяются вследствие того, что расширяются и углубляются знания об антонимах. Основные подходы к классификации антонимов, мы представим в данной части нашей работы.

Исследователи этого вопроса используют разные критерии в основе своих классификаций. В 1-й главе нашего исследования мы выяснили, что противоположность значений является основным признаком антонимов.

Однако многие ученые выделяют разные типы противоположности. Таким образом, одним из основных критериев классификации антонимов является их деление по **характеру** противоположности.

Этой проблемой занимаются многие лингвисты, большинство из них единодушны в выделении **абсолютной** и **относительной** противоположности понятий.

Так, Е.Г. Беляевская разделяет противопоставляемые понятия на «диаметрально противоположные» и «относительно противоположные» (Беляевская, 2013: 82)

Диаметральная противоположность предполагает выделение 2-х полюсов в явлениях, действиях, характеристиках, причем

противопоставленность может касаться физических характеристик объектов (*long — short, wide — narrow, hot — cold*), сферы социальных отношений (*rich — poor, husband — wif, employer — employee*), принятой системы норм и ценностей (*good — bad, beautiful — ugly, decent — indecent*).

Относительная противоположность, подразумевает, что те понятия которые мы сравниваем, не формируют 2-х полюсов того или иного – общего представления (например, о размерах объекта, его тактильных характеристиках, эстетическом восприятии его говорящим и т.д.) и противопоставляется по целой группе неполярных признаков. Такой именно характер противопоставленности слов *gold — iron, table — chair, to buy — to sell*. Исходя из этого, противопоставление имеет возможность разделяться на определенный ряд типов и все будет зависеть от того, насколько к диаметральной противоположности понятий оно близко.

Интересна точка зрения И.В. Арнольд на антонимичные пары типа *young — old, big — small, good — bad*, т.е. те антонимы, которые не относятся к независимым абсолютным качествам, а являются относительными (Арнольд, 1991: 29). И.В. Арнольд предлагает рассмотреть их на следующем примере:

The Elephant.

“When people call this beast to mind,

They marvel more and more

At such a little tail behind

So large a trunk before” (Арнольд, 2002: 365).

Анализируя этот пример, ясно, что хвост слона кажется маленьким только по сравнению с его туловищем. Для мыши, например, он был бы довольно большим. Дж. Лайонз (см. Лайонз, 1978: 143) также приводит интересный пример относительных антонимов: *A small elephant is a large animal*. Как мы видим, норма размера слона отличается от нормы всех животных в общем: слон маленький по сравнению с другим слоном, может быть большим по сравнению с другим классом животных.

Кроме того, многие лингвисты выделяют **контрарную** и **контрадикторную** противоположность. Контрарную противоположность выражают антонимы, обозначающие несовместимые понятия во взаимном противопоставлении, между которыми так же вероятно третье среднее, например: *begin* — *continue* — *finish*. Контрадикторную противопоставленность имеют антонимы, обозначающие несовместимые понятия, между которыми не может быть среднего, промежуточного понятия и которые в целом исключают друг друга, например: *usefull* — *unusefull*.

Некоторые авторы, среди них Дж. Лайонз, предлагают другую терминологию. Они выделяют собственно антонимы (*antonyms proper*) и дополнительные антонимы (*complementary antonyms*) (см. Лайонз, 1978). Основное отличие собственно антонимов от дополнительных, по мнению И.В. Арнольд, заключается в том, что семантическая полярность собственно антонимов является относительной, оппозиция — градуальная, она может состоять из нескольких элементов, характеризующихся разной степенью одного и того же свойства. Т.к. собственно антонимы могут подвергаться градации, то они обозначают контрарные понятия (см. Арнольд, 1991).

Дополнительные антонимы обозначают контрадикторные понятия.

Проанализировав основные характеристики контрарной и контрадикторной противопоставленности. и сопоставив их с характеристиками относительной и абсолютной противоположности, мы пришли к выводу, что по сути это одинаковые явления, т.е. абсолютные антонимы обозначают контрадикторную противоположность, а относительные антонимы — контрарную.

Много внимания этой проблеме уделяет Е.Г. Беляевская (см. Беляевская, 1987). По ее мнению, важным фактором, который необходимо учитывать при рассмотрении слов — антонимов, является тот факт, что в языке закрепляются названия не только крайних точек противопоставления, но и названия некоторых промежуточных градаций, которые также вступают в отношения антонимии. Так *hot*

противопоставляется не только *cold*, но и *cool*. В отношениях противопоставления, таким образом, отражается целая шкала промежуточных наименований, причем отношениями антонимии характеризуются:

- 1) крайние точки противопоставления;
- 2) обе области противопоставления целиком;
- 3) любые два элемента из противоположных областей. Например, в противопоставлении *hot – cold* выделяется противопоставленность 1) *hot — cold*; 2) *(hot, warm) — (cold, cool)*; 3) *hot — cool; hot — cold; warm — cold; warm — cool*.

Особую трудность, по мнению Е.Г. Беляевской, при рассмотрении отношений антонимии представляет тот «нуль», по отношению к которому оценивается наличие или отсутствие противопоставленности понятий. Чаще всего «нуль» не существует как самостоятельная данность и «задается» противоположной направленностью некоторого признака или его наличием/отсутствием. Например, противопоставления *dead — alive, married — single* не допускают никаких промежуточных градаций, и здесь в качестве своеобразного «нуля» или «точки отсчета» выступает задаваемое словами противопоставление признаков.

В качестве точки отсчета может выступать отрицание одного из членов противопоставления, например, *легкий — нелегкий — тяжелый* и т.д. Особое значение имеет в этом случае вопрос о том, имеет ли выступающее в качестве «нуля» понятие специальное словесное обозначение. Например, в английском языке противопоставление *clever — not clever — foolish* имеет в качестве «среднего члена» прилагательное с отрицанием *not*, которое не имеет специального однословного соответствия. Возникает проблема определения того, следует ли устанавливать отношения антонимии только между единицами одного уровня, т.е. только между словами, только между фразеологическими единицами, только между словосочетаниями и т.д., или возможна языковая межуровневая антонимия, т.е. закрепленные языком

отношения семантической противоположности между словом и словосочетанием, словом и фразеологизмом и т.д.

Наконец, за «нуль» может приниматься общее представление об описываемой ситуации, по отношению к которой устанавливается противопоставленность ее элементов. Например, наличие ситуации «обмена некоторого предмета на эквивалент его стоимости» предполагает противопоставленность таких понятий, как *купля — продажа, покупатель — продавец, товар — деньги* и т.п.

Итак, в зависимости от характера точки отсчета и степени относительности противопоставления возможно выделение различных групп антонимов, однако установить характер противопоставления можно не только выделяя разные группы и типы антонимов.

Е.Г. Беляевская предлагает проводить сопоставления константно-вариативных структур семантики противопоставляемых слов, аргументируя это тем, что отношение противопоставленности может устанавливаться и между целыми лексемами, и между их отдельными лексико-семантическими вариантами. Например, рассмотрим семантические структуры глаголов *to arrive* и *to depart*.

Глагол *to arrive* заимствован из французского и первоначально имел значение «приставать к берегу, приплывать».

В настоящее время в семантическую структуру данного глагола входят следующие значения:

1. *reach a place, esp. the end of journey: arrive home, arrive at a port, arrive in harbour;*
2. *come: at last the day arrived, her baby arrived (was born) yesterday;*
3. *reach: a decision, a price, the age of 40, etc.;*
4. *establish one's position or reputation.*

Константная часть семантики лексемы включает указание на достижение некоторой точки (во времени, в пространстве, возможной цели и др.), конкретная фиксация которой вариативна.

Глагол *to depart* также заимствован из французского и первоначально имел значение «делить на части, разделять», которое в настоящее время вышло из употребления. Семантическая структура глагола включает следующие значения:

1. *from, go away; leave (esp. in time-tables);*
2. *from, behave in a way, that differs from: depart from routine/the usual procedure;*
3. *from (old use): depart from this life.*

Сопоставление глаголов *to arrive* и *to depart*, которые обычно трактуются как антонимы, показывает, что обозначаемые действия не просто имеют разную векторную направленность, т.е. *приезжать* (→) и *уезжать* (←), но имеют несколько смещенное противопоставление семантических центров: в глаголе *to arrive* на первый план выходит идея «достижения некоторой точки», а в глаголе *to depart* - идея «отделение от целого, основного».

2.2 Проблема выделения конверсивов как одного из типов антонимов

Определив основные типы противоположности, нельзя не обратить внимания на такое явление как конверсность (*converseness*). Вопрос принадлежности конверсивов к антонимам является одним из наиболее спорных и сложных. Многие лингвисты пытаются найти решение этой проблемы, но она до сих пор остается нерешенной. Некоторые ученые рассматривают конверсивы как составляющие компоненты антонимии, другие считают, что конверсивы – это особенный способ системной организации лексики, который связан и взаимодействует с антонимией, но функционирует он самостоятельно, а что касается третьих, то они противопоставляют эти два явления, при этом разграничивая их.

Значимая позиция в данном вопросе Л.Л. Новикова, выделяющая 3 следующих вида антонимических отношений:

- 1) контрарную противоположность (*young — old*),

2) комплементарную, или дополнительную (*dead — alive*),

3) векторную, которая представляет собой противоположность разнонаправленных действий, признаков (*to enter — to leave*).

Л.Л. Новикова, признает во многом сложность явления конверсности, но при этом, не оставляет без внимания тот факт, что конверсность и антонимия — понятия перекрещивающиеся, и именно благодаря этому, те антонимы, которые выражают определенный подвид противоположности, можно по его мнению, рассмотреть как конверсивы. Зачастую во многих источниках, его мнение повествовалось как возможным, говорить о антонимах-конверсивах, которые описывают с точки зрения разных ее участников, одну и ту же ситуацию. «Однако антонимы конверсивы не образуют исходного класса единиц. Они возникают за счет особого употребления антонимов, принадлежащих к выше названным выше их типам и обладающих свойством обозначать «обратные» отношения между участниками ситуации» (Новикова, 2010: 54).

Как считал А.А. Уфимцевой, конверсивы — некая разновидность противопоставлений, когда совершенно одно и то же действие, показано по-разному, имеет совершенно различные названия — соответственно (таким примером можно считать, с точки зрения субъекта и объекта действия). Она называет их относительными антонимами.

Разобрав исследования множества авторов, логично прийти к мнению, что включающих конверсивы в класс антонимов, первое — не всегда есть возможность сохранить единство общих критериев, на основании которых, и выделяются группы антонимичных слов; второе — это недооцениваются множество характеристик которые являются основными, свойственные конверсивам и нерелевантные для антонимов, в отдельных случаях, роль синтаксического плана для изучения конверсивов. При сопоставлении конверсивов, антонимов и лексических, необходимо брать во внимание, то что характер предполагаемых последних, может быть раскрыт в полной мере при одном лишь условии, «развертывании» оппозиции слов до оппозиции

элементарных предложений; речь идет о конверсивах, которые в силу семантико-синтаксических характеристик не могут быть включены в такой лексико-семантический класс слов, как антонимы.

Как отмечалось выше, существует и другое мнение на соотношение конверсивов и антонимов. Конверсность можно считать как самостоятельное явление, изучающееся Дж. Лайонзом. В его работе «Введение в теоретическую лингвистику» конверсность рассматривается как особый вид семантических взаимоотношений, обозначающих «противоположность по значению» (Лайонз, 1978: 485). Согласно классификациям, основанной на противоположности значений слов, выделяются 3 типа «противоположностей». Во-первых, дополнительность (*complementarity*), т.е. те возможные случаи противоположности, когда отрицание одного члена пары является утверждением другого, ср.: *John is not married* имплицитно подразумевает *John is single*. Во-вторых, антонимия (*antonymy*); антонимами Дж. Лайонз считает пары слов типа *big — small, large — small*, которые поддаются имплицитной или эксплицитной градации. В-третьих, «отношение, имеющее место между *buy — sell* или *husband — wife*. Слово *buy* является конверсивом для *sell*, а *sell* — конверсивом для *buy*» (Там же, 493). Отмечая определенный параллелизм между антонимией и конверсностью, Дж. Лайонз указывает на то, что эти явления должны разграничиваться.

Дж. Катц рассматривает конверсные отношения как один из следующих типов противопоставлений:

- 1) контрастное, например: *rich — poor*;
- 2) контрадикторное, например: *alive — dead*;
- 3) конверсное, например: *employer — employee*.

Ю. Найда изучает конверсивы как особый вид «дополнительности».

1-й тип «дополнительных отношений» соответствует противопоставлениям, которые принято называть называют антонимами.

2-й тип — реверсивы — имеет возможность предполагать обозначение противоположно направленных действий (*alienate — reconcile*).

Конверсивы, на основании работ Ю. Найды, зачастую обозначают не только противоположно направленные действия, а еще и порядок и следования некоторых семантических компонентов, и полное изменение в статусе отношений участников (*borrow — lend*).

Ф.Р. Палмер строго разграничивает антонимию и конверсность. Он говорит о том, что те слова, сказанные Дж. Лайонз, а именно конверсивами, он считает относительными противопоставлениями, т.к. они показывают обратимые свойства определенного отношения, ср.: *give — to take, parent — child, the teacher — the pupil*. Выделяя необходимость разграничивать относительные противопоставления от антонимов, Ф.Р. Палмер объясняет все это тем, что первых за основу характеристики взята обратность отношения между аргументами. По-другому говоря, обосновывая тезис о различии антонимов и конверсивов, как доминирующий выдвигает именно структурно-синтаксический признак, именно так считали Ф.Р. Палмер, как и Ю. Найда.

2.3 Классификация В.Н. Комиссарова

В этой части нашего исследования мы рассмотрим второй подход к классификации лексических антонимов, в основе которого лежит разделение антонимов по морфологическому признаку. Исследователи этого вопроса единодушны в выделении разнокорневых и однокорневых антонимов.

Из ряда существующих классификаций нам кажется наиболее интересной и правильной классификация В.Н. Комиссарова, основанная на разделении антонимов по способу выражения противопоставленности. Однако, руководствуясь этим принципом, В.Н. Комиссаров опирается также на другие критерии выявления антонимов, что делает его классификацию более полной и убедительной.

Итак, рассмотрим эту точку зрения. В.Н. Комиссаров разделяет слова-антонимы современного английского языка по способу выражения антонимичности на две группы, которые различаются также и по своей

морфологической структуре: корневые и аффиксальные антонимы. Каждая из этих групп имеет свои лингвистические критерии антонимичности.

Так, в словах первой группы противопоставленность заключена в значении корня слова и не выражена какими-либо морфологическими средствами. Выразительным примером использования корневых антонимов в литературе, а именно художественной является начало романа Диккенса “*A Tale of Two Cities*”:

“It was the best of times, it was the worst of times, it was the age of wisdom, it was the age of foolishness, it was the epoch of belief, it was the epoch of incredulity, it was the season of Light, it was the season of Darkness, it was the spring of hope, it was the winter of despair, we had everything before us, we had nothing before us...” (Dickens, *A Tale of Two Cities*).

По мнению В.Н. Комиссарова, антонимичная характеристика может закрепиться за значением корневого слова-антонима только в том случае, если данное слово будет употребляться в речи на регулярной основе для выражения противопоставлений. «Слова с противоположным значением могут существовать в языке лишь постольку, поскольку они регулярно воспроизводятся в речи как антонимы, иначе говоря, в непосредственном противопоставлении друг другу» (Комиссаров, 1957: 8). Контексты, употребление в которых совместно со своим антонимом и в непосредственном противопоставлении к нему, можно смело назвать антонимичными контекстами. Автор выделяет 5 основных типовых антонимичных контекстов, которые отличаются по характеру и типу связи, употребляемыми в них антонимами. Прежде чем анализировать эти типы контекстов, следует отметить, что, занимаясь практической частью нашего исследования, нас привлекло творчество Чарльза Диккенса, так как его произведения изобилуют антонимичными парами. Далее большая часть примеров будет представлена из его романов.

Типовой контекст «Один» характеризуется значением всеобщности (все — А и (или) В). Противопоставляемые слова чаще всего употребляются

как однородные члены предложения, соединяемые либо сочинительной, или как вариант разделительной связью, ср: “*A multitude of people, and yet a solitude*” (Dickens, *A Tale of Two Cities*: 119).

“*I believe it to be at once your bad fortune, and my good fortune*” (Dickens, *A Tale of Two Cities*: 138).

Типовой контекст 2 характеризуется значением прямого противопоставления (А не есть Б, а В). Противопоставляемые слова, чаще употребляются как однородные члены предложения, соединяемые противительной связью, ср: “*This was no passive belief, but an active weapon...*” (Dickens, *A Tale of Two Cities*: 71).

“*...the deluge rising from below, not falling from above, and with the windows of heaven shut, not opened*” (Dickens, *A Tale of Two Cities*: 322).

Типовой контекст 3 характеризуется значением альтернативности (А и В). Противопоставляемое слово употребляются как однородные члены предложения, соединенные разделительной связью, ср: “*Whether an intentional or an accidental shot, it hit the mark full...*” (Dickens, *Martin Chuzzlewit*: 295). “*Not a moment to lose. Matter of life or death*” (Dickens, *Bleak House*: 787).

Типовой контекст 4 имеет характер контрастного фона (А есть Б, а В, напротив, есть Г). Противопоставляемые слова чаще употребляют, как один и тот же член предложения, в двух конструкциях параллельных друг другу, ср:

“*...for clothes, though dear to buy, are cheap to pawn...*” (Dickens, *Martin Chuzzlewit*: 287).

Ярким примером употребления корневых антонимов в этом контексте является следующий сонет Шекспира:

“*Grabbed Age and Youth cannot live together;
Youth is full of pleasure, Age is full of care;
Youth like summer mom, Age like winter weather;
Youth like summer brave, Age like winter bare;*”

Youth is full of sport, Age's breath is short;

Youth is nimble, Age is lame;

Youth is hot and bold, Age is weak and cold;

Youth is wild, and Age is tame;

Age, I do abhor thee;

Youth, I do adore thee;

O! my love, my love is young" (В. Шекспир, Age and Youth).

Типовой контекст 5, можно характеризовать наличием простого совместного употребления, при этом, не имея четко выраженной структурной формулы. Противопоставляемые слова употребляются как разные члены предложения в рамках одного либо двух предложений, по смыслу связанных между собой, ср: "*Detestation of the high is the involuntary homage of the low*" (Dickens, A Tale of Two Cities: 139). "*Good could never come of such evil*" (Dickens, A Tale of Two Cities: 397).

У типового контекста 5 есть особая форма, которая является совместное употребление двух взаимообратных действий в качестве однородных членов предложения, ср: "*I've lost and won more lawsuits than any man in England*" (Thackeray. Vanity Fair, 1948: 56).

Каждая из пар антонимов, на регулярной основе, противопоставляется в одном или нескольких типовых контекстах. Отдельные пары антонимов имеют отличия по количеству типовых контекстов, а так же, в которых они употребляются, и по частоте их употребления в этом контексте. Чем более чаще слова употребляют в антонимичных контекстах разного типа, тем все более четко можно выделить в их значении антонимичная характеристика. Беря данное мнение за основу, и опираясь на его мнение, мы видим, что В.Н. Комиссаров делает вывод – «регулярное употребление в составе антонимичных контекстов является основным показателем принадлежности слова к антонимам».

Вторым и основным же показателем антонимичности, можно считать общность лексической сочетаемости у противостоящих друг другу членов

антонимичной пары. Для слов-антонимов характерно практически полное совпадение сфер лексической сочетаемости, что дает возможность регулярное совместное употребление в контекстах, выражающих противопоставление.

Беря во внимание основные типы контекстов слова-антонимы употребляются как однородные члены предложения, которые относятся к одному и тому же слову (типовые контексты 1, 2 и 3). А в тех случаях, когда противопоставление можно выразить сопоставлением двух самостоятельных синтагм (типовые контексты 4, 5), то взаимная замена двух антонимов возможна всегда (А есть Б, а В есть Г \leftrightarrow А есть Г, а В, напротив, есть Б). Подобное употребление возможно лишь при выполнении нескольких условий, чтобы оба антонима имели возможность сочетаться с одними и теми же словами. То есть, во многом реальное противопоставление значений слов-антонимов в речи обусловлено совпадением их лексической сочетаемости. Данное сходство сфер лексической сочетаемости антонимов, проявляется при детальном анализе любой из антонимичной группы.

Так, антонимы *low* и *high* в своих основных номинативных значениях, свободно можно сочетать с названиями любых предметов, которые имеют вертикальную протяженность. Однако как то, так и другое прилагательное невозможно употреблять для характеристики роста человека. В современном английском языке, это будет звучать как: «человек очень высокого роста» — «*a tall man*», но не «*a high man*»; низкорослый человек — «*a short man*», но не «*a low man*».

Рассмотрим антонимичную пару *hot* — *cold* и сферу ее лексической сочетаемости. Прилагательное *hot* в переносном значении «жгучий; раздраженный, возбужденный» наиболее часто встречается с названиями отрицательных эмоций, например: *hate, anger, resentment, rancour, scorn, cruelty* и т.д. Его антоним, прилагательное *cold*, наиболее часто встречается в сочетании с теми же названиями отрицательных эмоций.

Оба прилагательных очень хорошо сочетаются с эмоционально-нейтральными названиями людей, например: *man, fellow, woman, master, teacher* и т.д., но при этом не встречаются в сочетаниях с названиями, и положительной эмоциональной характеристикой.

Однако, в системе значений английского прилагательного *hot* выделяется значение «вызывающий ощущение жара», а у прилагательного *cold* имеется значение, выражающее контрастную мысль — «вызывающий ощущение озноба, холода».

При этом прилагательные *hot* и *cold* не может являться антонимами в этих значениях, потому как эти последние, реализуются в сочетаниях с различными словами.

А прилагательное *hot* в данном значении сочетается с названиями ощущений одного рода, такими как *flush, blush, fever, ague, pain* и др., прилагательное *cold* – с названиями ощущений другого рода, а именно: *fear, anguish, shiver, thrills* и др.

Таким образом, проанализировав ряд примеров и антонимичных пар, В.Н. пришел к выводу, что невозможность непосредственно противопоставлять и сочетать какие-либо два слова в большинстве типовых контекстов способствует невозможности возникновения антонимичных значений даже в тех случаях, когда значения двух слов выражают как будто противоположные идеи.

Кроме того, в большинстве случаев совпадение сфер лексической сочетаемости слов-антонимов не имеет абсолютного характера. Если разбирать отдельный из них мы обнаружим некоторые собственные особенности употребления. Подобные частные отклонения не снимают противопоставленности данной пары значений в целом, при условии, что их антонимичность регулярно используется в других сочетаниях (Комиссаров, 1957: 12).

Итак, из классификации В.Н. Комиссарова следует, что для выделения корневых антонимов в языке имеются два лингвистических критерия. Мы

разделяем точку зрения автора на то, что цельность этих критериев не одинакова, так как лишь первый из них — регулярное воспроизведение в антонимичных контекстах — дает решающее доказательство принадлежности данной пары слов к антонимам. Второй критерий — возможность подстановки и одинаковая сочетаемость — наиболее удобен для обоснования отрицательного вывода: если у двух слов совершенно различна лексическая сочетаемость, они не могут быть антонимами.

Далее рассмотрим вторую группу антонимов — аффиксальные антонимы, образующиеся с помощью отрицательных аффиксов. В современном английском языке одним единственным регулярным средством аффиксального образования слов-антонимов можно с уверенностью считать отрицательные префиксы *un-*, *in-*, *il-*, *im-*, *ir-*, *dis-*. Все другие отрицательные префиксы и суффиксы формируются лишь в отдельные антонимичные пары, которые на удивление редко употребляются в антонимичных контекстах.

Существует в английском языке два способа образования аффиксальных антонимов: простое добавление отрицательного аффикса ко всей основе (*selfish* — *unselfish*, *useful* — *unuseful*) и замена суффиксов (*hopeful* — *hopeless*).

В.Н. Комиссаров считает, что противопоставления типа *hopeful* — *hopeless* имеют более сложный характер, однако такие пары редко противопоставляются в употреблении и не образуют сколько-нибудь значительной группы антонимов. В большинстве случаев даже при наличии подобных суффиксальных образований антонимичные пары создаются с помощью отрицательных префиксов.

Е.Н. Миллер, также исследует такие типы противопоставлений. Он считает, что антонимичные оппозиции типа *useful* — *useless* и *useful* — *unuseful* различаются не только по частотности их употребления, но и по характеру противоположности. Так, *useful* — *unuseful* (не полезная) выражают несовместимость, отрицание, неравнозначную по объему информацию; *useful* — *useless* (бесполезная) — несовместимость, отрицание,

равнозначную по объему информацию. «В первом случае противоположность всеобъемлюща, она присуща любому слову; во втором случае она свойственна только определенному классу слов, обладающих несовместимостью, отрицанием, тождеством значений в каком-то отношении (односущность) и равнозначной по объему предметно-вещественной информацией» (Миллер, 2006: 45).

В.Н. Комиссаров считает, что у аффиксальных антонимов префикс является формальным носителем дополнительной антонимичной характеристики. Именно благодаря префиксу данное слово приобретает значение, противоположное значению слова, имеющего тот же корень, но не имеющего префикса. Антонимичность самого слова, достигается путем наличия корня слова с отрицательным префиксом как бы.

Отрицательное или антонимичное значение префикса закрепляется за ним в результате употребления его в таком значении. Используя слово с отрицательным префиксом, корень которого идентичен слову-антониму, мы воспроизводим и значение префикса, т.е. противопоставленность этого слова его антониму. Поэтому любое употребление слова с отрицательным префиксом может рассматриваться как его употребление в противопоставлении, при котором воспроизводится и дополнительная антонимичная характеристика его лексического значения. Отсюда следует, что уже само существование в языке такого слова свидетельствует о наличии соответствующей аффиксальной группы.

Большой теоретический и практический интерес представляет вопрос о том, можно ли считать префиксальные антонимы равноценными корневым.

Исследуя эту проблему, Е.Н. Миллер предлагает немного другую классификацию. Он делит антонимы по структуре на разнокорневые (*begin — end*) и однокорневые (*hopeful — hopeless*) и считает, что эти две группы различаются по характеру противоположности.

Так, разнокорневые слова *begin* и *end* обозначают во взаимном противопоставлении несовместимые понятия, между которыми возможно

третье, среднее, ср. *begin - continue - end*. Исходя из этого, это контрарная противоположность, потому как понятия *begin/end* об одном и том же действии, в одно и то же время, не могут быть сразу оба вместе истинными.

Такие однокорневые слова *hopeful/hopeless* обозначают во взаимном противопоставлении несовместимые понятия, и между ними нет промежуточного понятия, среднего, и которые исключают друг друга. Из этого следует сделать вывод, что это контрадикторная противоположность. В то же время о противопоставлении *useful/useless* нельзя сказать, что оно не представляет собой развитого до предела различия одной сущности, т.к. в рамках этого противопоставления возможны варианты, возможно градуирование, ср: *useful, very useful, the most useful*.

Особого внимания в исследовании Е.Н. Миллера заслуживает его точка зрения на связь антонимии с отрицанием, и на основе этого он выделяет основные различия между однокорневыми и разнокорневыми антонимами по способу выражения отрицания. В связи с этим интересны различные точки зрения на само понятие «отрицание». «С одной стороны, считается общепризнанным, что в объективном мире и в человеческом опыте ничего отрицательного нет. Два явления могут стать отрицаниями друг друга только из-за отношения несовместимости» (Миллер, 2006: 14). С другой стороны, «в материалистической диалектике отрицание рассматривается как условие качественного изменения вещей, и необходимый момент развития» (Там же). Исходя из этого, отрицание реально существует как момент развития объектов реального мира и как отношение несовместимости. Отражается в языке именно эта реальность отрицания.

Критический анализ роли отрицания в теории антонимии сделан А.В. Михайловым. Отмечая необходимость выходов за рамки традиционной лексикологии «с ее ориентацией на анализ узуальных слов-антонимов и их «готовых» оппозиций с неизменными заданными отношениями противоположности» (Михайлов, 1997: 912), автор справедливо, на наш взгляд, считает, что «превращение противопоставления в противоположность

есть процесс, связанный с превращением слабого отрицания в сильное, предельное, выраженное в форме противоречия $A \text{ — не } A$ », и что отрицание следует рассматривать «не просто как данный в статике инвариант антонимичной оппозиции, но и как системную операцию (в единстве с обратной ей операцией утверждения), порождающую отношение противоположности и антонимию» (Там же).

Е.Н. Миллер считает, что если определять антонимию на основе ее связи с отрицанием, то весь лексический состав языка придется признать антонимичным, т.е. рассматривать отрицание как механизм порождения антонимии и оппозиции типа «*белый — небелый*», «*стол — не стол*» и т.п. будут считаться антонимичными. Е.Н. Миллер предлагает ограничение: отрицание должно указывать на определенный антипод: *white* → *black*, *big* → *small* и т.д., включая «наличие — отсутствие». Невозможность существования в языке одного самостоятельного антонима, обуславливает отрицание антонимом своего антипода. Это и является причиной того, что восприятие антонима вызывает в памяти человека представление о его антиподе.

Вернемся к способам выражения отрицания. Выражение отрицания может быть формально не маркированным и маркированным. Маркированным антонимом считается антоним с отрицательным формантом (аффиксальный антоним). Однако «по смыслу сопоставимы формально-логическое и языковое отрицания, но отнюдь не идентичны, и могут не совпадать» (Бондаренко, 2007: 391). Так, положительные языковые формы могут выражать логическое отрицание — отрицательные понятия, например: *single — unmarried, blind, deaf*.

К тому же в словах типа *blind, deaf* (в них выражено отсутствие, лишенность зрения и слуха соответственно, т.е. отрицание) «грамматика, в отличие от логики, не усматривает никакого отрицания» (Там же).

Рассматривая аффиксальные (однокорневые) антонимы, следует различать отрицательный формант и отрицательную частицу *not*, т.к. они

неравноценны по степени выражения отрицания. Различные сочетания слова с отрицательной частицей и слова с отрицательным префиксом — это семантически разные явления. В первом случае мы имеем дело со свободным сочетанием двух слов, каждое из которых обладает самостоятельным значением. Отрицательная частица отрицает значение слова не вообще, а только в данном конкретном случае. Само же по себе значение слова не меняется. И это не зависит от того, употребляется слово с отрицательной частицей или без нее, это все те же слова с теми же самыми значениями.

Совершенно по-другому обстоит дело с префиксами. Отрицание путем присоединения отрицательного префикса качественно отличается от отрицания при помощи отрицательной частицы. Добавляя к мысли, префикс делается составной частью этого слова, значение его сливается со значением корня в единое целое. Слово с отрицательным префиксом не только означает отрицание значения корня, но несет в себе утверждение противоположного значения. Поэтому отрицательный префикс значительно полнее выражает отрицание, чем отрицательная частица. У слова с отрицательным префиксом отрицание содержится в самом значении слова.

И так, согласно высказываниям В.Н. Комиссарова, отрицательный аффикс теоретически может образовать слово-антоним. Но, являются ли слова с такими аффиксами действительно полноправными антонимами в конкретном языке, В.Н. Комиссаров предлагает проверить на основе анализа характера реального употребления таких слов и их значения.

Исследование этого вопроса на материале современного английского языка показывает, что в английском языке отрицательные префиксы *in-* *in-* (*il-*, *im-*, *ir-*), *dis* — довольно часто используются для образования антонимов, и последние обладают всеми семантическими особенностями, характерными для этой категории слов. Оценивая место префиксальной антонимии в современном английском языке, необходимо обратить внимание на следующие факты.

Первое, в английском языке отрицательная частица *not* по форме четко отграничена от отрицательных префиксов. Это можно назвать формальным различием, отчетливо выявляющим и различие в значении.

Словосочетания с отрицательной частицей слабее выражают отрицание, чем слово с отрицательными префиксами соответственно, таким примером для Вас будет:

not happy — unhappy;

not legitimate — illegitimate;

not polite — impolite;

not to believe — to disbelieve.

Слово с отрицательным аффиксом часто используется, чтобы подчеркнуть недостаточность простого отрицания, например:

“I am sorry to inform you that we are not at all satisfied with your sister. We are very much dissatisfied” (Dickens, Martin Chuzzlewit).

Свидетельством неравноценности отрицательного префикса и отрицательной частицы может являться и тот факт, что слова с отрицательным префиксом в английском языке очень часто употребляются с отрицательной частицей.

При этом подобное сочетание еще не дает положительного значения, ср: *“He didn't disobey, but he didn't really obey, not with anything inside him”* (Aldington, Death of a Hero). Однако следует отметить, что значение сочетания слова с отрицательной частицей во многом зависит от конкретного контекста. «Хотя “*not — phrase*” выражает менее сильное отрицание, чем отрицательный префикс, в конкретном контексте это различие может утрачиваться» (Комиссаров, 1957: 19).

Например: *“Are you saying, Sir James, that a woman who plays an immoral part is not moral?”* (J. Galsworthy, The Silver Spoon). Подобным же образом может варьироваться значение сочетания, в котором отрицательная частица употреблена перед словом, имеющим отрицательный префикс. В зависимости от контекста такое сочетание может иногда давать и

положительное значение, например: “*As I know, by experience, that it’s not disagreeable to Miss Flite, and since it’s equally agreeable to yourself...*” (Dickens, Bleak House). В данном случае контекст показывает, что not disagreeable равносильно по значению *agreeable*.

Влияние контекста может быть столь сильным, что значение сочетания будет даже более чем положительным, ср: “*Mrs. Winterbourne’s effort on the telephone to her husband was not unworthy of her*” (Aldington, Death of a Hero). В этом контексте сочетание *not unworthy* приобретает значение *quite worthy*, то есть больше, чем *worthy*.

Все эти контекстуальные варианты лишь подчеркивают различие между отрицательной частицей и отрицательным аффиксом, значение которого составляет часть значения слова и потому более устойчиво.

Большинство лингвистов разделяет точку зрения В.Н. Комиссарова. У Э. Сепира очень тонко подмечены различные оттенки значения, связанные с неравноценностью отрицательной частицы и отрицательного префикса.

Выделяя различные типы эмоциональности, он различает нейтральную, одобряющую и не одобряющую эмоции.

Е.Н. Миллер, сравнивая противопоставления *useful — useless* и *useful — not useful*, отмечает, что антонимичной оппозиции *useful — useless* характерна «несовместимость, отрицание, равнозначная по объему информация»; противопоставлению *useful — not useful* характерна «несовместимость, отрицание, неравнозначная по объему информация» (Миллер, 2006: 45). В первом случае противоположность всеобъемлюща, она присуща любому слову; во втором случае она свойственна «только определенному классу слов, обладающих несовместимостью, отрицанием, тождеством значений в каком-то отношении (односущность) и равнозначной по объему предметно-вещественной информацией» (Там же).

Далее следует отметить, что некоторые исследователи рассматривают случаи, когда одному и тому же слову противостоит по значению как слово, образованное при помощи отрицательного префикса, так и слово другого

корня. Дж. Фернальд, сопоставляя английские существительные *untruth* и *lie*, замечает, что, хотя *untruth* тоже означает отсутствие правдивости, это слово «более мягкое и достойное, чем ложь» (Фернальд, 1975: 181).

В.Н. Комиссаров, основываясь на следующих фактах, полагает, что в английском языке «это различие играет подчиненную роль» (Комиссаров, 1957: 21):

1. Количество случаев параллельной противопоставленности слова с отрицательным префиксом и слова иного корня весьма незначительно. В большинстве случаев слово не имеет иного антонима, кроме образованного при помощи отрицательного префикса.

2. Часто противопоставление происходит по различным смысловым линиям. Например, слову *natural* (естественный) противостоит как слово *artificial* (искусственный), так и слово *unnatural* (неестественный). При этом каждое из них противопоставлено по иной смысловой линии, выражая в первом случае признак искусственности, а во втором — необычности, противоестественности, ср:

“He made the most dismal sounds I have ever heard produced by any means, natural or artificial (Dickens, David Copperfield). I mean that all this business puts us on unnatural term with which natural relations are incompatible” (Dickens, Bleak House).

3. Хотя слово с отрицательным префиксом и может иногда восприниматься как менее резкое противопоставление, оно обладает тем преимуществом, что его противопоставленность выражена предельно ясно, так как «оно содержит противоположное слово, если можно так выразиться, в себе самом» (Там же: 22). Поэтому английские авторы нередко прибегают к словотворчеству, создавая новое слово-антоним при помощи отрицательного аффикса, даже в тех случаях, когда имеется антоним иного корня, ср: *“He had seen pictures of her - as a fat baby, as a less fat little girl, as an extremely unfat girl”* (J. Jones, Some Came Running).

4. Для английского языка нехарактерно подчеркивание неравноценности префиксального и корневого антонимов, как это имеет место в отношении отрицательной частицы *not* и как нередко бывает в русском языке. Этот факт свидетельствует о том, что в английском языке неполнота противопоставления антонима, образованного при помощи отрицательного префикса, не осознается достаточно четко. Это позволяет утверждать, что «оба типа противопоставления имеют примерно одинаковую семасиологическую ценность» (Комиссаров, 1957: 23).

Таким образом, мы присоединяемся к точке зрения В.Н. Комиссарова и считаем, что при противопоставлении одному и тому же слову префиксального и корневого антонима, первый теоретически может восприниматься как менее резкое противопоставление данному слову. Однако в речевой практике префиксальные антонимы широко употребляются в противопоставлении совместно с разнокорневыми антонимами. При этом не обнаруживается никакой разницы в степени противопоставленности, ср: “*On those walls, wherever the eye roved, were prints coloured and uncoloured, old and new, depicting the sports of racing and prize-fighting*” (Galsworthy, *The White Monkey*). “*Good could never come of such evil, a happier end was not in the nature of so unhappy a beginning*” (Dickens, *A Tale of Two Cities*).

Ever wondered what happens to the household waste paper thrown out for recycling in Europe and the US? Since China - once the world's major destination for paper recycling - introduced new restrictions on waste paper imports at the beginning of last year, a significant proportion is now being sent to India where it's reprocessed. At the NR Agarwal recycling plant in western Gujarat state, huge mountains of waste paper are piled up almost to the ceiling. The plant, in an industrial estate in the city of Vapi, is one of India's biggest - and the scale of the operation here is striking. Workers use bulldozers to break open massive bales of waste paper, and teams of women in brightly coloured saris sort the paper into different types. In one pile the front page of an edition of the Sunday Telegraph is clearly visible. In another I spot the green masthead of an English local paper - the

Forest of Dean and Wye Valley Review. "Most of our imports are from the UK and the USA," says Ashok Bansal, the company's executive director. He shows us how the paper is sorted and loaded onto a conveyor belt to be pulped.

The resulting bluish mass is then treated with chemicals and coated onto huge, humming rollers which churn out large sheets of clean white paper ready to be used again. As we speak, a lorry arrives carrying a new load of scrap paper from Belgium. Every day now more and more trucks are roaring along the road to the factory from the nearby docks, and the paper mountains in Mr. Bansal's factory are growing. Chinese restrictions.

The reason for the resurgence in paper reprocessing is that China - once the destination for more than half the world's recyclable scrap paper, metal and plastic - has imposed new restrictions on waste imports. The authorities said they were taking action to protect public health and the environment. The decision - announced on 1 January 2018 - left Western countries scrambling to find a new home for their recyclable waste. Many were facing the choice of either dumping waste in landfill sites, or burning it, until Indian reprocessing plants like Mr Bansal's stepped into the breach. During the first half of last year, there was a 200% rise in waste paper exports from the European Union to India, according to the Confederation of European Paper Industries.

And from the US exports rose by more than 100% between January and October last year compared to the same period in 2017, according to the International Scrap Recycling Institute (ISRI). "We are now using bigger ships to export [to India] because the volumes of recyclable paper going out is significantly up," says Ranjit Baxi, chairman of J and H Sales, a major recycling firm in the UK. "And we think India will continue to grow as a market for us." For the Indian companies it's a win-win situation. "India is a raw material scarce country," says Mr. Bansal. "We don't have lots of trees and jungles to convert wood into pulp. We are mostly dependent on waste paper and that demand can be provided by the Western world." Bucking the trend

At the bustling paper market in Old Delhi, India's need for paper goods is clear to see. The market sells everything from novels and exercise books to paper for technical design and charts. Shoppers and traders jostle for space on the narrow pavements. "The crowds here are getting bigger all the time," says bookseller Shabir Hussein. "Sometimes I just can't cope with the demand." Much of the paper made in India is used to make books and school books for a rapidly growing population, and to make cardboard boxes and other types of packaging for the expanding manufacturing sector. But a significant amount also ends up as newsprint. India might be known around the world as a centre of the high-tech industry, but it's also a country where the print media is booming. Annual newspaper and magazine sales have soared from 40 million in 2006 to nearly 63 million in 2016, according to India's

Audit Bureau Circulation. Experts say the main reason India is bucking the global trend is that although access to the internet via smartphones, laptops and tablets is widespread, many Indians still prefer to have their news delivered to their homes every morning in the form of a daily newspaper. Reversal of fortunes. The influx of waste paper imports from abroad has helped an industry in India that until last year was in serious decline due to the scarcity and cost of waste paper to recycle. "In past years more than one-quarter of paper mills were forced to shut down because of expensive waste paper prices," says entrepreneur Aman Sethi. "Now with this surge in imports the prices have come down and they are reopening." For the local economy that means new jobs, not just in the recycling plants but also at the ports and in the transport companies ferrying the paper to and from the plants. And the trend looks set to continue, for now at least. The Indian recycling industry needs nearly 14 million tonnes of waste paper to meet current demands. Domestic recycling only produces 30% of that amount, and recycling levels are only half the global average.

So the demand for waste paper from abroad is likely to remain strong. But the challenge facing Indian importers is how to enforce more stringent rules about the kind of waste they are prepared to accept. In the first few months of last year

several consignments of paper were unusable because they contained plastic, and paper mills even blacklisted some UK and US suppliers. "Anybody who intends to export waste paper to India will have to comply with our strict regulations," said Sujeet Samaddar, from Niti Aayog, India's top planning body that is now formulating a national recycling policy. "It's not as if the floodgates will open for any old paper to come into India."

Наконец, одним из важнейших факторов, свидетельствующих о существовании в современном английском языке категории аффиксальных слов-антонимов, является их регулярное противопоставление друг другу в речи во всех типовых контекстах, характерных для корневых антонимов, выделенных В.Н. Комиссаровым. Обратимся снова к творчеству Чарльза Диккенса и рассмотрим употребление аффиксальных антонимов на примерах из его произведений.

Типовой контекст 1

1) *"...and uneasily closing and unclosing his hands without a moment's intermission, stood swinging himself from side to side, waiting to be addressed"* (Dickens, Martin Chuzzlewit: 474);

2) *"He can't help his likings and dislikings, perhaps"* (Dickens, Dombey and Son: 271);

3) *"His whole material and immaterial life is wonderfully strange; his death, the strangest thing of all"* (Dickens, Bleak House: 232);

4) *"Who would have thought, then, of my ever teaching people to dance, of all other possibilities and impossibilities"* (Dickens, Bleak House: 555);

5) *"All things of earth, animate and inanimate..."* (Dickens, Bleak House: 317).

Типовой контекст 2

"...that all his governors were engaged and never expected to be disengaged any more" (Dickens, Dombey and Son: 296).

Типовой контекст 3

1) “...*there was no one to approve or disapprove of it*” (Dickens, Martin Chuzzlewit: 403);

2) “*It must come to a friendly agreement or an unfriendly crash*” (Dickens, Martin Chuzzlewit: 248).

Типовой контекст 4

1) “*Jerry heard no more; but left them — so like each other in feature, so unlike each other in manner...*” (Dickens, A Tale of Two Cities: 89);

2) “*Call yourself a religious woman? If you are a religious woman, give me an irreligious one!*” (Dickens, A Tale of Two Cities: 190).

Типовой контекст 5

1) “*Is it honouring your husband to dishonour his business?*” (Dickens, A Tale of Two Cities: 190);

2) “*That would be natural conduct to your own son, and you like to be unnatural, and to keep him out of his rights*” (Dickens, Martin Chuzzlewit: 373);

3) “*Is it obeying your husband to disobey him on the vital subject of his business?*” (Dickens, A Tale of Two Cities: 190);

4) “*Detestation of the high is the involuntary homage of the low*” (Dickens, A Tale of Two Cities: 139);

5) “*When I go into our little church on a Sunday, a considerable part of the inconsiderable congregation expect to see me drop, scorched and withered, on the pavement under the Deadlock displeasure*” (Dickens, Bleak House: 258);

6) “*The less it was occupied with healthy things, the more it would be in danger of turning in the unhealthy direction*” (Dickens, A Tale of Two Cities: 238).

Выводы по главе II

1. Понимание противоположности как развитого до предела различия одной сущности способствует разделению антонимичных оппозиций на две

основные группы: антонимы, выражающие абсолютный характер противоположности, и антонимы, выражающие относительный характер противоположности. В ходе нашего исследования мы выявили некоторые различия в терминологии, но, в сущности, большинство исследователей считают, что все лексические антонимы можно разделить на антонимы, выражающие контрадикторные и контрарные понятия. Контрадикторные понятия взаимопротивопоставлены и отрицают друг друга. Контрарные понятия также взаимопротивопоставлены, но они, за редким исключением, радиальные.

2. Анализируя существующие классификации, мы пришли к выводу, что большинство из них основаны на разделении антонимов по морфологическому признаку. Мы поддерживаемся классификации В.Н. Комиссарова, т.к., основываясь на морфологической структуре антонимов, он учитывает ряд других критериев выявления антонимов. Так, основываясь на этой классификации и учитывая точки зрения других исследователей, мы пришли к выводу, что все антонимы можно разделить на корневые (разно корневые) и аффиксальные (однокорневые), некоторые лингвисты выделяют также сложные антонимы.

3. Для выделения корневых антонимов существует два критерия — регулярное воспроизведение в антонимичных контекстах и одинаковая сфера лексической сочетаемости. Однако ценность этих критериев не одинакова, т.к. лишь систематичное употребление в антонимичных контекстах является решающим доказательством принадлежности данной пары слов к антонимам.

4. У аффиксальных антонимов, наряду с регулярным воспроизведением в антонимичных контекстах, носителем дополнительной антонимичной характеристики является префикс. Здесь возникает вопрос о том, можно ли считать префиксальные антонимы равноценными корневым. Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо выявить основные различия между корневыми и аффиксальными антонимами.

Во-первых, мы выяснили, что эти две группы антонимов отличаются по характеру противоположности: корневые антонимы характеризуются контрарной противоположностью, а аффиксальные — контрадикторной. Но это не может быть причиной неравноценности аффиксальных антонимов, так как оба вида противоположности признаются большинством исследователей антонимичными.

Во-вторых, корневые и аффиксальные антонимы отличаются по способу выражения отрицания. Корневой антоним является формально не маркированным, а аффиксальный — формально маркированным членом антонимичной оппозиции. Иначе говоря, в антонимах разного корня антонимичная характеристика не имеет формального выражения и используются в сочетании слова в типовых антонимичных контекстах. Что касается аффиксальных антонимов, то здесь необходимо отметить дополнительную антонимичную характеристику, которая появляется в результате присоединения префикса, и является ее формальным носителем. Так как любое использование слова с отрицательным префиксом может рассматриваться как его употребление в противопоставлении, то уже само существование в языке такого слова свидетельствует о наличии соответствующей аффиксальной антонимичной группы.

Таким образом, есть все основания считать антонимы, образованные с помощью отрицательных аффиксов, столь же противопоставленными в семантической системе языка, как и антонимы с разными корнями. Кроме того, немаловажен тот факт, что префиксальные антонимы составляют большинство английских антонимов.

Заключение

Анализ общетеоретических положений и фактического материала показал, антонимия в английском языке — явление сложное и многогранное, для понимания сущности которого необходимо осознание нескольких факторов: механизмов порождения антонимии, основных признаков антонимов и их отношений в рамках антонимичной оппозиции.

В 1-й главе нашего исследования мы представили точки зрения разных ученых на понятие антонимия и выяснили, что поэтому, на первый взгляд, простому вопросу нет единства мнений.

Различия в понимании сущности антонимии связаны прежде всего с различиями в понимании «противоположности» и «противопоставленности» по значению. Совершенно очевидна противоположность в значениях таких слов, как *to agree — to disagree, perfect — imperfect, cold — warm* и т.д. Но следует ли считать противоположными по значению, т.е. словами-антонимами, пары *husband — wife, table — chair, parent — child* и т.п.? Указанная сложность в определении антонимов объясняется тем, что под **антонимией** фактически понимается **противопоставленность** языковых обозначений внеязыковых понятий, признаваемых противоположными на логических основаниях или исходя из общественного опыта. Соответственно, имеющиеся классификации антонимов стремятся учесть разные типы противопоставлений.

Понимание противоположности как развитого до предела различия одной сущности позволяет нам обосновать правомерность деления антонимических оппозиций на две основные группы: антонимы, выражающие абсолютный характер противоположности, и антонимы, выражающие относительный характер противоположности.

Согласно второму подходу к классификации антонимов по характеру противоположности, лингвисты выделяют три типа антонимичных противопоставлений. Следует отметить, что у некоторых исследователей

существует разная терминология, но по сути это деление сводится к выделению контрарной, контрадикторной и конверсной и противоположности.

Контрарную противоположность выражают несовместимые понятия, между которыми возможно промежуточное звено. Отличительная черта этой группы антонимов заключается в том, что они могут подвергаться градации. Контрадикторную противоположность выражают несовместимые понятия, между которыми нет среднего промежуточного понятия и которые исключают друг друга.

Степень принадлежности конверсивов к антонимам является одним из самых спорных вопросов. Мнения исследователей по этому вопросу разделились. Некоторые ученые, в частности, Ф.Р. Палмер, Ю. Найда, Дж. Лайонз, указывают на необходимость разграничения антонимов и конверсивов, обосновывая это их различием в структурно-синтаксическом плане. Однако мы, присоединяясь к мнению большинства ученых, считаем конверсивы одной из разновидностей противопоставлений, и, следовательно, явлением, относящимся к антонимии.

Кроме того, мы рассматривали еще одну классификацию, в основе которой лежит деление антонимов по морфологическому признаку.

Традиционно большинство лингвистов разделяют антонимы на корневые и аффиксальные. Подробнее мы остановились на классификации В.Н. Комиссарова, т.к. он, основываясь на морфологической структуре антонимов, впервые рассматривает их контекстуальное окружение.

В.Н. Комиссаров выделяет пять типов антонимичных контекстов и утверждает, что регулярное употребление в этих контекстах является основным лингвистическим показателем принадлежности слова к антонимам.

Разграничивая корневые и аффиксальные антонимы, мы в то же время установили их взаимосвязь и тождественные свойства, такие как регулярное употребление в антонимичных контекстах и совпадение сфер лексической

сочетаемости. Основное их различие заключается в том, что у корневых антонимов противопоставленность заключена в значении корня слова и формально не выражена, у аффиксальных антонимов противопоставленность выражена формально при помощи отрицательных аффиксов.

Таким образом, анализируя существующие классификации, мы подтвердили выдвинутую нами **гипотезу**, согласно которой противопоставленность значений является основным отличительным признаком антонимов, лежащим в основе их классификаций, и, соответственно, мы рассмотрели классификации лексических антонимов по характеру и по способу выражения противопоставленности.

Итак, подводя итоги нашей работы, мы считаем, что поставленная цель достигнута, т.е. были исследованы основные свойства антонимов, их функции и отношения в рамках антонимичной оппозиции. Это помогло нам глубже понять сущность изучаемого явления и выявить основные противоречия.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверьянов, Ю. Ю. Иноязычные вкрапления в языке туристической индустрии / Ю.Ю. Аверьянов. – М., 2016. – 61 с.
2. Антрушина, Г.В. Английская лексикология / Г.В. Антрушина. – М., 1999. – 288 с.
3. Апресян, Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка / Ю.Д. Апресян. – М., 1995. – 472 с.
4. Арнольд, И.В. Стилистика. Современный английский язык / И.В. Арнольд. – М., 2002. – 384 с.
5. Арнольд, И.В. Лексикология современного английского языка / И.В. Арнольд. – М., 2012. – 369 с.
6. Арнольд, И. В. Основы научных исследований в лингвистике / И.В. Арнольд. – М., 1991. – 140 с.
7. Беляевская, Е. Г. Семантика слова / Е.Г. Беляевская. – М., 1987. –126 с.
8. Бондаренко, М.А. Введение в языкознание / М.А. Бондаренко. – М., 2007. – 391 с.
9. Гальперин, И.Р. Лексикология английского языка / И.Р. Гальперин. – М., 1956. – 298 с.
10. Дементьева, В.В. Теория речевых жанров / В.В. Дементьева. – М.: Знак, 2010. – 595 с.
11. Комиссаров, В.Н. Лингвистика перевода / В.Н. Комиссаров. – М., 2009. – 137 с.
12. Кондаков, Б.В. Литературоведческая проблематика в исследованиях Л. Н. Мурзина / Б.В. Кондаков. – М., 2010. – 138 с.
13. Катц, Дж. Семантическая теория / Дж. Катц. – М., 1966. – 175 с.
14. Ким, Т. С. Антонимы в передаче семантики противоположности / Т.С. Ким. – М., 1989. – 29 с.
15. Лайонз, Дж. Введение в теоретическую лингвистику / Дж. Лайонз. – М., 1978. – 166 с.

16. Лукьянов, И.Ф. Подходы к определению понятия «антоним» в лингвистике / И.Ф. Лукьянов. – М., 2009. – 15 с.
17. Махмутова, Л.Р. Отражение семантической категории противоположности в энантиосемии / Л.Р. Махмутова. – М., 2009. – 45 с.
18. Миллер, В.Ф. Понятие антонимов и антонимии в русском и английском языках / В.Ф. Миллер. – М., 2006. – 74 с.
19. Михайлов, А.В. Языки русской культуры / А.В. Михайлов. – М., 1997. – 912 с.
20. Новикова, Ю.О. Речевая антонимия как отражение обыденной картины мира / Ю.О. Новикова. – М., 2010. – 54 с.
21. Пестова, М. С. Антонимия как объект теоретического исследования / М.С. Пестова. – М., 2014. – 72 с.
22. Смирницкий, А.И. Лексикология английского языка / А.И. Смирницкий. – М., 1998. – 260 с.
23. Соколова, Н.Л. К проблеме определения и классификации антонимов и их стилистического использования / Н.Л. Соколова // Научный доклад высшей школы. Филологические науки. – М., 2011. – 137-149 с.
24. Степанова, М.Д. Теория валентности и валентностный анализ / М.Д. Степанова. – М., 1973. – 110 с.
25. Степанов, Ю.С. Понятие антонимов и антонимии в русском и английском языках / Ю.С. Степанов. – М., 2006. – 71 с.
26. Трубецкой, Н.С. Избранные труды по филологии / Н.С. трубецкой. – М., 1987. – 560 с.
27. Фернальд, М.Л. Проблема рода в современном английском языке / М.Л. Фернальд. – М., 1975. – 181 с.
28. Шанский, Н.М. Современный русский язык / Н.М. Шанский. – М., 1987. – 192 с.
29. Шпар, Е. В. Роль английских и русских глагольных единиц в формировании связности текста / Е.В. Шпар. – М., 2004. – 212 с.

30. Palmer, F. R. Mood and modality / F. R. Palmer. – L.: Cambridge University Press., 1976. – 164 p.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ

1. Комиссаров, В.Н. Словарь антонимов современного английского языка / В.Н. Комиссаров. – М., 1964. – 288 с.
2. Hornby, A.S. The Advanced Learner's Dictionary of Current English / A.S. Hornby. – L., 2009. – 2005 p.
3. Webster's Third New International Dictionary of the English Language. Springfield, Mass., 1961. – 711 p.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Голсуорси, Дж. Серебряная ложка / Дж. Голсуорси. – М., 2016. – 322 с.
2. Оден, У.Х. На смерть Йетса / У.Х. Оден. – М., 1951. – 30 с.
3. Шекспир, В. Age and Youth / В. Шекспир. – М., 2012. – 8 с.
4. Braine, J. Room at the top / J. Braine. – М., 1957. – 71 p.
5. Dickens, Ch. Martin Chuzzlewit / Ch. Dickens. – FLPН, 1990. – 474 p.
6. Dickens, Ch. Dombey and Son / Ch. Dickens. – FLPН, 1948. – 271 p.
7. Dickens, Ch. Bleak House / Ch. Dickens. – FLPН, 1951. – 462 p.
8. Dickens, Ch. A Tale of Two Cities / Ch. Dickens. – М., 1974. – 404 p.
9. Dickens, Ch. The Posthumous Papers of the Pickwick Club/ Ch. Dickens. – FLPН, 1949. – 999 p.
10. Jones, J. Some Came Running / J. Jones. – М., 1958 – 181 p.
11. Aldington, R. Death of a Hero / R. Aldington. – L., 1929. – 376 p.
12. Shaw, B. Saint Joan Academic Help / B. Show. – М., 2009. – 22 p.
13. Thackeray, W.M. Vanity Fair / W.M. Thackeray. – М., 2017. – 928 p.
14. Tennyson, A. Lancelot and Elaine / A. Tennyson. – L., 1842. – 122 p.